

Катастрофа с антиподами

В австралийском кино концам света края не видно
доказывает Михаил Трофименков

«Восставшие из мертвых»

«На берегу»

«Пикник у висячей скалы»

«Daybreakers»

«Последняя волна»

«Безумный Макс»

«Мозговая смерть»

«Джиндабайн»

ОН АВСТРАЛИЕЦ, и это многое объясняет. Алекс Пройас родился в Египте, но вскоре оказался в Австралии, и его фантазии чисто австралийского толка. Австралийское воображение эсхатологично. Сюжет «Знамения» вертится вокруг списка случившихся и предстоящих катастроф. А в январе в наш прокат вышел «Доктор Плонк» (Dr. Plonk, 2007) Рольфа Де Хеера, голландца, ставшего австралийцем в детстве. В черно-белом немом бурлеске ученый начала XX века переносился в наши дни, чтобы удостовериться в том, что конец света случился в 2008-м. На сентябрь намечена премьера «Daybreakers» Майкла и Питера Спрингов, немцев по происхождению, снявших лучший австралийский фильм ужасов «Восставшие из мертвых» (Undead, 2003). В их новом фильме к 2017 году земляне превратятся в вампиров. Да еще и выходят эти фильмы на фоне катастрофических пожаров в Австралии, вызванных чьей-то злой волей.

Полвека назад лишь Австралию в фильме Стэнли Креймера «На берегу» (On the Beach, 1959) пощадила, пусть ненадолго, ядерная война. Тогда австралийское кино влачило жалкое существование, но стоило

ему расцвести, как тут началось. Первым делом оно развеяло надежды отсидеться в стороне от мировой войны. В «Последней ночи» (Last Night, 1978) Майкла Уилсона взрывы ядерных бомб обрывали истерическое пение забившихся в метро людей, пытавшихся скрасить смерть сексом и наркотиками. Иммигрант из Шотландии Джордж Миллер показал в «Безумном Максе» (Mad Max, 1979) будущее, на которое обречены выжившие.

На Австралии природа, колдуны и инопланетяне ставили самые жестокие эксперименты. В «Последней волне» (The Last Wave, 1977) Питера Уэйра герою видится потоп, сметающий его родину. В «Мозговой смерти» (Braindead, 1992) Питера Джексона обезьянка с Суматры, перекусав к чертовой матери чопорных обывателей, превращала их в зомби. В «Восставших из мертвых» метеоритный дождь сносил головы участникам пикника, а затем континент перегораживала невидимая стена до самых небес. Эти игры инопланетян на свежем воздухе не получали никакого объяснения, которое непременно дал бы голливудский режиссер. Страх в австралийском кино по определению беспричинен.

Более того, это единственное в мире кино, где страх рассеян в воздухе. Даже если ничего чудовищного не произойдет, в каждом дрожании листьев, в порыве ветра, взгляде, брошенном бродягой, — предчувствие беды. В мировом кино на горожан, отдыхающих на природе, может напасть маньяк — дело житейское. Таковы условности жанра, и на всякого маньяка найдется свой психоаналитик. Австралийское кино катастрофично вне зависимости от жанра, а вспышку насилия или гнев стихии не объяснить комплексами каннибала или небрежением экологией. Райская природа, здоровые, выросшие на свежем воздухе люди, а вот поди ж ты!

Символ австралийского кино — «Пикник у висячей скалы» (Picnic at Hanging Rock, 1975) Уэйра. В 1900-м в День святого Валентина бесследно исчезают, словно растворившись в пресловутом свежем воздухе, воспитанницы закрытого пансиона. «Долгий уикенд» (Long Weekend, 1986) для молодых супругов из фильма Колина Эгглстона завершится тем, что муж пронзит жену гарпуном и погибнет под колесами грузовика. В «Джиндабайне» (Jindabyne, 2006) Рея Лоуренса мужики, отпра-

вившиеся на рыбалку, первым делом, разумеется, выудят из реки мертвую девушку. Можно, конечно, спрятаться в горах. Но даже визит «Водопроводчика» (The Plumber, 1978) в фильме Уэйра — катастрофа. Он раскурочивает до основания профессорскую квартиру, терзает их слух песнями и намеками на тюремное прошлое. Все это было бы смешно, если бы не та же вездущая доисторическая жуть.

Если кино — зеркало национального подсознания, то Австралия — гиблое место, континент-катастрофа. Примерно так относятся к своей родине австрийские режиссеры. Они, как и австралийцы, ненавидят ее патриархальность, лицемерие, неизбежное провинциальное викторианство. Но австрийцы так изживают нацистское прошлое. Австралию же ужасы XX века миновали. Все попытки объяснить австралийский катастрофизм утыкаются в чувство вины нации перед аборигенами, подвергнутыми почти что геноциду. Загадочный абориген, владеющий черной магией, часто гостит на экране. Если случайно мелькнет в кадре — быть беде. Остается предположить, что магические пассы аборигенов и ввергли австралийцев в беспредельный пессимизм.